

ОТЗЫВ

о диссертации Е. А. Власовой

«Способы передачи чужой речи в русских летописях XII–XVI вв.»,
представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук
(специальность 10.02.01 – русский язык)

Актуальность темы диссертации Е. А. Власовой не вызывает сомнений: чужая речь в её взаимодействии с авторской речью повествователя представляет первостепенный интерес как для исторического синтаксиса – в такой, наименее разработанной его части, как синтаксис сложного предложения, так и с точки зрения структуры нарратива. Для исторической русистики эта проблематика, в принципе, не нова: разные ее аспекты исследовались в целом ряде работ, в том числе и специально посвященных лингвистическим механизмам цитирования в древнерусских текстах; изучались эти механизмы и на материале летописей (см., в частности, недавние работы В. С. Савельева о прямой речи в Повести временных лет). Однако на фоне существующей историографии диссертация обнаруживает значительную новизну. Ее определяет, с одной стороны, комплексность охвата предмета – чужая речь рассматривается Е. А. Власовой в совокупности всех синтаксических форм и семантических аспектов этого явления, с опорой на современные разработки в области теории речевых актов, семантики нарратива, исторической прагматики и др. С другой стороны, феномен цитирования впервые рассмотрен автором на материале обширного корпуса текстов одного жанра, представляющих разные локальные варианты книжного языка Руси на разных этапах его истории.

Круг использованных источников подобран очень удачно, сочетая компактность с репрезентативностью. Его образуют, с одной стороны, Повесть временных лет и ее региональные продолжения в Лаврентьевской, Ипатьевской и Новгородской первой летописи (старшего извода), а с другой – общерусская по своему характеру Никоновская летопись как представитель летописания XIV–XVI вв. Материал этих памятников исследован в диссертации путем сплошной выборки релевантных контекстов, с приведением очень выразительных количественных данных и одновременно – с пристальным вниманием к индивидуальному контексту, характерным для научной школы М. Н. Шевелёвой. В анализе материала ранних летописей акцент делается на специфике отдельных памятников. Большой интерес представляют наблюдения автора касательно группировки исследованных летописей по способам оформления чужой речи. В частности, как показывает Е. А. Власова, ПВЛ по целому ряду параметров сближается с Галицкой летописью, тогда как последняя часть Ипатьевского свода – Волынская летопись – обнаруживает лингвистическую близость к Киевской летописи за XII в. и Суздальской летописи. Опираясь на результаты новейших текстологических разысканий, Е. А. Власова выявляет языковую

специфику отдельных фрагментов исследованных летописей – таких, например, как заключительная часть ПВЛ, представляющая собой анналистическое продолжение Начального свода, или статьи НПЛ за первую треть XIII в., в которых проявляется влияние южнорусской летописной традиции.

Диссертация обладает ясной, хорошо выстроенной композицией. В первой главе автором исследуется зависимость между семантикой опорного предиката и типом цитативной конструкции. Развивая вывод М. Н. Шевелёвой, показавшей, что глаголы, означающие ‘говорить, сказать’ употребляются в КЛ с прямой речью, а глаголы с семантикой ‘рассказать, сообщить’ – с косвенной, Е. А. Власова прослеживает эволюцию состава опорных предикатов, подразделив их на три категории: локутивные, иллокутивные и реферативные (последний термин, обозначающий предикаты типа ‘рассказать’, – удачное нововведение автора). Как показывает Е. А. Власова, локутивные и реферативные глаголы были в рассматриваемом отношении противопоставлены, но это противопоставление не носило абсолютного характера, поскольку, например, глагол *повѣдати* мог употребляться как с прямой речью, так и с косвенной. На материале Никоновской летописи наглядно показано, как происходило постепенное разрушение этой архаичной корреляции и какую роль в этом процессе сыграло обновление состава опорных слов, в частности, распространение в XV в. глагола *говорити*, не знавшего ограничений на тип вводимой им цитативной конструкции.

Вторая глава посвящена союзной прямой речи, главной синтаксической формой которой в древнерусский период выступает архаичная конструкция *jako recitativum*. Это явление неоднократно привлекало внимание историков русского языка, но Е. А. Власовой впервые удалось рассмотреть его в соотношении с другими способами передачи чужой речи, продемонстрировать специфику реализации конструкции в разных летописных традициях, показать, как, с распространением модели косвенного цитирования, употребление *яко* с прямой речью отходит на второй план, идиоматизируясь и закрепляя за собой определенные модальные значения.

В стройную и убедительную модель, описывающую становление и эволюцию в языке летописания конструкций косвенного цитирования, складываются наблюдения и выводы третьей главы. Эта модель ставит во главу постепенное разрастание круга опорных предикатов, используемых с придаточными, вводимыми союзами *оже* и *аже*. Различные стадии этого процесса отражены летописанием древнерусского периода – от ПВЛ, в заключительных статьях которой фиксируются первые примеры придаточных с *оже* при предикатах знания и восприятия, – через Киевскую летопись XII в., где модель с *оже* распространяется на реферативные опорные предикаты, а также на иллокутивные глаголы речи, – до Волынской летописи второй половины XIII в., в которой косвенная речь впервые фиксируется при локутивных опорных предикатах. Дальнейшая эволюция, как показывает Е. А. Власова, анализируя данные Никоновской летописи, заключалась в формировании универсальной модели

косвенной речи с союзом *что*, ставшей результатом формального и семантического сближения трех цитативных конструкций – изъяснительного придаточного, инфинитивной конструкции и оптативной конструкции с сослагательным наклонением. Другой аспект этой эволюции связан с разрушением корреляции между семантикой опорного предиката и типом зависимой конструкции, следствием чего становится структурное разнообразие косвенной речи, возникновение ее развитых форм с большим количеством разнотипных придаточных клауз и резкое возрастание частотности косвенного цитирования. Главу завершает анализ черт разговорного синтаксиса, активное проникновение которых в структуру косвенной речи Е. А. Власова отмечает в летописных текстах XVI в., перебрасывая таким образом мост к современному состоянию, характеризующемуся наличием в разговорном языке большого числа переходных конструкций с признаками прямой и косвенной речи.

Постепенность эволюции летописного узуса наглядно демонстрирует и предложенный в четвертой главе анализ дискурсивных маркеров – вводных слов и частиц, указывающих на передачу чужой речи.

Перехожу к замечаниям, возникшим при чтении насыщенной материалом и интересными выводами диссертации Е. А. Власовой.

С. 115. Описывая изменения, которые круг опорных предикатов претерпевает в позднем русском летописании, представленном в диссертации Никоновской летописью, Е. А. Власова как одну из ярких инноваций отмечает «распространение в позиции опорного предиката **глаголов движения**, в этом случае имеет место эллипсис глагола речи, ср. *пришел [и сказал]...*». В отличие от древнерусских летописей, в которых глаголы движения зафиксированы только при прямой речи, Никоновская летопись содержит целый ряд примеров употребления их при косвенной цитации. Имеются в виду контексты типа: *Придоша на Москву Андрѣй Петровъ да Василей Ивановъ сынъ Болтина, что посылалъ князь великїи съ ними Нѣмецъ Ивана да Виктора на Печеру руды искати серебряныя, и они нашли руду серебряную и мѣдяную в великого князя отчинѣ* (НЛ, 1492, 232). Перевод Е. А. Власовой: ‘пришли в Москву Андрей Петров да Василий Иванов сын Болтина [и сказали], что посылал князь великий с ними немцев Ивана да Виктора на Печору руды искать серебряной, и они нашли руду серебряную и медную в вотчине великого князя’. Такой перевод, на мой взгляд, излишне модернизирует синтаксическую структуру подобных контекстов, упуская из виду следующее обстоятельство. Во всех приведенных примерах союзом *что* вводится двухчастная конструкция, вторая часть которой присоединяется к первой посредством союза *и* или частицы *же*: *что посылалъ князь великїи съ ними Нѣмецъ...*, *и они нашли руду серебряную; что посылалъ ихъ князь великїи мастеровъ для въ Венгїю да въ Медіоламъ, они же приведоша на Москву Алевиза мастера стѣннаго; что посылалъ его князь Петръ Ивановичъ Кашинъ къ Святѣмъ горамъ, и они до Техъ урочищъ еще не дошли*. Такие парные конструкции нередки в деловой письменности, где встречаются с XIV в. Ср. в берестяной грамоте № 157; *чо еси, гсне*,

велель намъ переставивати дворь, и ключникъ намъ, гне, велить пер(е)[с]та(вливати)... Что в таких конструкциях выступает в роли союза, вводящего препозитивное относительное придаточное. Эту роль, на мой взгляд, он сохраняет и в приводимых Е. А. Власовой летописных примерах. Если так, то в плане передачи чужой речи подобные примеры имело бы смысл трактовать как случаи бессоюзного оформления косвенной цитации, которое, как показано в диссертации, получает активное распространение именно в XVI в.

Несколько параграфов второй главы диссертации посвящены использованию конструкции *jako recitativum* для выражения различных форм субъективной модальности: эвиденциальности, дистанцирования, эпистемической модальности. То, что такое использование действительно имело место, Е. А. Власова убедительно показывает, анализируя материал Киевской и Суздальской летописей. Определенные сомнения вызывает, однако, попытка обнаружить те же модальные смыслы в тексте НПЛ ст. и особенно ПВЛ. В последней, как пишет Е. А. Власова, «наблюдается специфическая ситуация с употреблением *яко*: в ней довольно встречаются примеры союзной прямой речи с надежными признаками субъективной модальности, но при этом частотны т. н. неясные случаи – контексты, в которых семантика никак специально не выражена. Формальные признаки и особенности употреблений союза *яко* указывают на то, что в ПВЛ *яко* использовался преимущественно как семантически нейтральный маркер изъяснительной связи (например, в изъяснительных предложениях и нейтральных контекстах), тем не менее под влиянием синтаксического окружения он мог развивать и модальные значения» (с. 171). На мой взгляд, применительно к тексту, в котором *яко* выступает как единственный маркер изъяснительной связи, во многих случаях рядом демонстрируя свою семантическую нейтральность, говорить о «развитии» им модальных значений в контекстах, допускающих такую интерпретацию, не имеет смысла.

С. 54. Следующий контекст из ВЛ рассматривается как случай употребления глагола *повѣдѣти* в роли непосредственного опорного предиката при прямой речи: **а повѣж ми то: «сам ли есь в Бѣрестѣи сѣлъ своею волею ци ли велениемъ ѿца свое го...»** (ВЛ, 1289, 305 об.). Прямая речь здесь отсутствует, *повѣжъ* вводит косвенный вопрос.

С. 55. Относя к числу реферативных предикатов устойчивые сочетания со словом *вѣсть*, Е. А. Власова отмечает, что в конструкциях с прямыми цитациями они встречаются значительно реже, чем в конструкциях с косвенными. Перевес в пользу последних окажется еще большим, если устранить из списка два примера, попавшие в него по ошибке: **Въ то же лѣто придоша ис Кыева от Всѣволода по брата Святослава вести Кыеву: «а сына моего, рече, примите себе князя»** (НПЛ ст., 1141, 21) (*вести* здесь – не И. мн. существительного *вѣсть*, а инфинитив: ‘пришли за братом Святославом, чтобы вести его в Киев’); **далъ бо бѣ имъ и Муханлъ вѣсть: «Боуда в Пиньскѣ»** (ГЛ, 1247, 268 об.) (прямой речи здесь нет, так как *боуда* – не имя,

а форма И. м. ед. краткого действительного причастия от *быти*: ‘дал им весть Михаил, находясь в Пинске’).

С. 56. Характеризуя употребление глагола *повѣдати* как опорного предиката, Е. А. Власова отмечает, что в ПВЛ этот глагол единственный раз фиксируется при прямой речи, в остальных случаях вводя союзную прямую речь или дейктически нейтральные контексты. Имеется в виду следующий контекст: **бѣси же мечтавшѣ имъ повѣдаша: «что ради пришелъ естъ»** (ПВЛ, 1071, 66 об.), ‘бесы же, явившись им [Новгородцу и кудеснику], сказали: «Для чего ты пришел?»’, *мьчѣтати* ‘являться’ [Срезн. II:]. В действительности смысл фразы иной: ‘Бесы, сотряси его [кудесника], сообщили то, зачем он [новгородец] пришел’ (*мечтавшѣ* – индивидуальное чтение Ипат.; в др. списках – *метавше*). Прямой речи и этот контекст не содержит.

С. 63. Глагол *оупросити* ‘спросить’ следует исключить из числа опорных предикатов, вводящих прямую речь: единственный пример его употребления в этом качестве в статье 1103 г. ПВЛ явно обусловлен смешением *в* и *у* в протографе Ипатьевской летописи. В оригинале ПВЛ, несомненно, читалось *въпроси*, как в Радз. и Акад. списках (в Лавр. *нача впрашати*).

С. 222. Констатируя, что в древнерусскую эпоху изъяснительный союз был обязательным элементом структуры косвенной речи, Е. А. Власова отмечает единственное исключение из этого правила в статье 1280 г. Волынской летописи: **Володимерь же бѣ назаду стога оу города своимъ полкомъ и начаша емоу повѣдати всѣкъ во лѣсѣ полнъ люди и товара не взиманъ во бѣ некоторою же ратью зане твердъ баше велми** (ВЛ, 1280, 293). Е. А. оговаривает, впрочем, что этот пример не вполне надежен, поскольку в зависимой части отсутствуют анафорические отсылки. В действительности это исключение является мнимым, но не по указанной автором причине, а потому, что в контексте нет ни косвенной речи, ни прямой, а есть конструкция с двойным винительным (типа *слышу сестру больну* б.г. 705): **повѣдати всѣкъ ... полнъ**.

С. 309. В параграфе, посвященном дискурсивным маркерам *ръци* и *реку*, использование второго маркера иллюстрируется единственным примером из статьи 1288 г. Волынской летописи: **не да^а не рекоу** (в Хлеб. сп. *рек*) **города. но ни села не возмешь оу мене. розоумѣю га твою хытрость. не дамъ Володимерь же ударивъ вл^акоу ѿпоустити и** (ВЛ, 1288, 302), ‘Не дам, говорю, ни города, ни села не возмешь у меня! Разумею я твою хитрость, не дам!’). Комментируя этот контекст, Е. А. Власова отмечает, что форма *реку* в функции цитативного маркера «входит в широкое употребление только в письменности XVII вв. Пример её использования в ВЛ свидетельствует о том, что уже в конце XIII вв. она использовалась в позиции вводного глагола для эмфатического выделения». От внимания автора ускользнуло присутствие в контексте отрицания: *не реку*. К употреблению *реку* как вводного

слова в памятниках XVII в. данный пример отношения не имеет. Перед нами риторическая фигура *Не скажу «А», но «Б»*, находящая яркую параллель в статье 1178 г. Киевской летописи, где летописец говорит о половцах: «то не рекоу единымъ крстьяномъ, но и самоу Боу врази». Эта параллель, кстати, служит лишним свидетельством литературно-языковой преемственности, связывающей Волынскую летопись (в отличие о Галицкой) с киевским летописанием XII в., которую, вслед за М. Н. Шевелевой и И. С. Юрьевой, отмечает и автор диссертации.

Высказанные замечания носят частный характер и не сказываются на оценке выводов диссертации. В ряде случаев они только укрепляют эти выводы, устраняя мнимые исключения из формулируемых Е. А. Власовой закономерностей.

В целом диссертацию Е. А. Власовой можно оценить как зрелое исследование, характеризующее его автора как сложившегося специалиста со своим, оригинальным видением сложных научных проблем. Е. А. Власовой удалось предложить в своей работе целостную концепцию эволюции синтаксических форм передачи чужой речи в языке русского летописания XII-XVI в. В этом смысле ее диссертация полностью соответствует пп. 9, 10 **Положения о присуждении ученых степеней**, являясь «научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований содержится решение задачи, имеющей существенное значение для соответствующей отрасли знаний». Публикации по теме диссертации, размещенные в ведущих академических изданиях, и очень емко написанный автореферат адекватно отражают основное содержание работы. Не может быть сомнений в том, что Екатерина Александровна Власова заслуживает присвоения ей искомой ученой степени кандидата филологических наук.

Профессор Школы филологии
Факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
доктор филологических наук,
член-корреспондент РАН

А. А. Гиппиус

Гиппиус Алексей Алексеевич.

Москва, 117393, ул. Наметкина, д. 1, кв. 59;

тел.: (495) 7183965;

e-mail: agippius@mail.ru

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Факультет гуманитарных наук, Школа филологии, Лаборатория
лингвосемиотических исследований

профессор, ведущий научный сотрудник

Москва, 105066, Старая Басманная ул., д. 21/4, к. 518-528; тел.:(495) 772-95-
90*22699

e-mail: hse.filfak@gmail.com

<http://philology.hse.ru>

доктор филологических наук, член-корреспондент РАН

Основные публикации по проблематике диссертации:

Новгородская владычная летопись и ее авторы: история и структура текста в лингвистическом освещении // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2005. С.114-251.

Рекоша дружина Игореви: К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // Russian Linguistics, 25, 2001. P. 147—181.

Reconstructing the original of the Povest' Vremennykh let // Russian Linguistics. 2014. Vol. 38. P. 341-366.

